

2
Harvard College Library
November 26, 1901.
PIERCE FUND.

,,NARODNAYA VOLA“

Sur la centralisation de la lutte révolutionnaire en Russie

Par M. DRAGOMANOV

211.

бк

а

Slav. 1455.22.1

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“
О ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ
ВЪ РОССИИ

(Отдѣльн. оттискъ изъ «Вольного Слова» № 37 и 38)

Какъ бы кто ни относился къ принципамъ и способамъ дѣйствія той части русскихъ революціонеровъ, которая имѣть своимъ органомъ «Народную Волю», — нельзя не признать за ней весьма серьезнаго значенія, какъ за группой чрезвычайно дѣятельной и при томъ какъ за самой въ настоящее время энергической изъ наличныхъ противуправительственныхъ силъ, которая уже одною свою энергией привлекаетъ къ себѣ наиболѣе горячіе оппозиціонные элементы въ Россіи. И хотя литературное изложеніе политическихъ идей этой группы и всегда имѣло меньшее значеніе, чѣмъ практическая энергія ся дѣятельности, однако жъ, поддержанное этой энергией, и оно способно оказывать обаятельное влияніе на извѣстную часть общества, преимущественно на молодежь. Это обстоятельство заставляетъ обращать вниманіе на

1-

политической теоріи и планы, излагаемые на страницахъ «Народной Воли», какъ на такие, которые въ значительной степени опредѣляютъ практическое направление дѣятельности известного количества личностей, стремящихся къ устраненію существующаго порядка вещей въ Россіи и къ замѣнѣ его другимъ.

Съ этой точки зрѣнія нельзя пропустить безъ вниманія въ особенности двухъ статей послѣдняго, 8—9, № «Народной Воли», передовой и слѣдующей за ней, въ которыхъ называемая газета излагаетъ, и при томъ съ не чисто встрѣчающеся въ русской революціонной печати послѣдняго времени ясностью, — свои соображенія относительно организаціи революціонного движения въ Россіи и ближайшихъ плановъ партіи «Народной Воли».

Въ этомъ отношеніи особенно интересны слѣдующія слова изъ передовой статьи вышеупомянутаго №-ра:

«Теперь наша непосредственная задача — организація заговора, съ цѣлью низверженія существующаго государственного строя.

«Въ настоящее время работа партіи «Нар. Воли» направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы соединить всѣ активно-протестующія силы, сплотить ихъ въ крѣпкую централистическую организацію, способную взять на себя инициативу восстаний въ рѣшительный моментъ, а до той поры — успешно вести заговорническую дѣятельность, не смотря ни на какія преслѣдованія правительства. Успешное выполнение этой задачи возможно при концентраціи и боевыхъ силахъ лишь въ тѣхъ пунктахъ, где каждый шагъ приближалъ бы насъ

къ цѣли, каждое дѣйствіе имѣло бы значение въ ближайшемъ, а не въ отдаленомъ будущемъ. Потому-то мы и группируемъ активныхъ, сознательно-революціонныхъ силы въ правительственныйхъ центрахъ, не исключая и окраинъ, по степени ихъ важности, и ведемъ организаціонную работу только среди тѣхъ элементовъ, которые примутъ непосредственное участіе въ самомъ переворотѣ.

«Необходимость такой постановки дѣла практическіи вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что деревенскія волненія, движенія съ окраинъ, безъ инсурреціи въ административныхъ и промышленныхъ центрахъ, всегда немедленно подавляются и проходятъ почти безслѣдно для дѣла народного освобожденія. И невыгода этого способа будетъ постоянно возрастать, по мѣрѣ прогрессированія техническихъ усовершенствованій, которыми располагаетъ центральное правительство; между тѣмъ какъ самыя условія жизни народа отнимаютъ у него возможность организоваться для борьбы. Кроме того организація крестьянскихъ силъ не входитъ въ наши расчеты, и хотя популяризациія партіи, въ связи съ агитационнымъ значеніемъ террористическихъ фактовъ, расчистила намъ путь для прямаго дѣйствія среди народа, мы считаемъ необходимымъ направить свою дѣятельность въ эту сторону лишь на столько, чтобы уяснить народу истинный смыслъ нашихъ требованій, оградить крестьянскую среду отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа въ моментъ возстанія, и тѣмъ самымъ обеспечить успешность и прочность переворота.»

Въ выписанныхъ до сихъ поръ словахъ столичный централизмъ нѣсколько затмняется оговоркою: «группируемъ активныхъ, сознательно-революціонныхъ силы въ правительственныйхъ центрахъ, — не исключая и

окраинъ и т. д.», — но дальше, въ концѣ статьи, этотъ централизмъ выступаетъ во всей своей ясности. «Народная Воля» говоритъ прямо о временному правительству своей партии. При этомъ газета надѣется, что въ экономическомъ отношеніи роль этого временного правительства будетъ чисто формальная (мы бы сказали, даже и излишняя).

«Выгодное, — по словамъ «Н. В.» — соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ», состоящее въ томъ, будто бы, что «одновременно съ тѣмъ, какъ социально-революціонная партія наноситъ удары правительственной власти, въ народѣ все болѣе и болѣе пробуждается ненависть къ привилегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній», — выгодное соотношеніе это позволяетъ Н. В. надѣяться, что, «когда революціонная организація будетъ въ силахъ произвести политический переворотъ, народъ съумѣть совершилъ революцію въ экономической сфере, и (тогда) захватившему власть временному революціонному правительству придется лишь санкционировать экономическое равенство, отвоеванное народомъ у его вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ»... «Но если обстоятельства сложатся менѣе благопріятно, — продолжаетъ «Народная Воля». — въ такомъ случаѣ временное революціонное правительство рядомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, рядомъ съ установлениемъ новыхъ политическихъ учрежденій, производить экономический переворотъ: уничтожаетъ право собственности на землю и на орудія крупнаго производства. Тогда на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа, освобожденные политически и экономически, и на

родная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею».

Слѣдующая за передовою статья въ концѣ своеемъ развиваетъ подобныя же мысли почти тѣми же словами, — при чемъ прибавляеть и нѣсколько возраженій противъ стремлений decentralizacіонныхъ, которая авторъ статьи отвергаетъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящую и ближайшія за нею минуты, заявляя решительно, что «строго централистической типъ организаціи на весь періодъ борьбы, до первой прочной победы революціи, мы считаемъ за наилучшій, единственно ведущій къ цѣли».

Возраженія по направленію противниковъ принципа централизаціи авторъ статьи дѣлаеть въ такихъ словахъ:

«Нерѣдко говорятъ, будто партіи «Народной Воли» присуще пренебреженіе мѣстными особенностями русскихъ окраинъ, стремление подчинить остальную народность великорусскому племени. Излишне доказывать, что народнодѣльство, какъ социалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національныхъ пристрастій и считаетъ своимъ братями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, безъ различія происхожденія; что пользоваться именемъ враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее — вовсе не входить въ наши планы, что мы не сдѣляемъ подобного шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода для партіи*).

*.) Откладывая на продолженіе нашей статьи критику основныхъ положений обѣихъ статей «Народной Воли», мы пока не можемъ не сдѣлать частныхъ замѣчаній относительно подробностей, подобныхъ послѣднимъ выписаннымъ строкамъ. Казалось бы излишне доказывать, что эти строки вовсе не

Другая сторона национального вопроса касается будущего способа существования исторически (?) обособившихся народностей. Само собою разумеется, что мы не отнимаем у такихъ народностей права на полную политичес-

опровергаютъ известныхъ автору статьи замѣчаний относительно пренебреженія русскихъ революціонеровъ къ особеностямъ русскихъ окраинъ, — которыхъ лучше было бы называть невеликорусскими областями Россіи. Замѣчанія эти вовсе не приписываютъ русскимъ (великорусскимъ) революціонерамъ вообще, а народновольцамъ въ частности, — намѣренія «пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее» (хотя подобный упрекъ можно было сдѣлать по поводу недостаточно обдуманной прокламации Н. В. къ украинскому народу по случаю противувсерийскихъ беспорядковъ). Русскимъ революціонерамъ только замѣчали, что исключительность великорусской окраски ихъ дѣятельности осуждала ее на беспочвенность по всемъ невеликорусскимъ областямъ, которая составляютъ почти половину Европейской Россіи съ Кавказомъ, и оставила благородитъ для политического и соціального переворота силы невеликорусскихъ провинций безъ пробужденія и безъ утилизации. Такая исключительность, — столько же несправедливая, между прочимъ потому, что ряды русскихъ революціонеровъ состоятъ на добрую долю изъ великоруссенныхъ усиленіями правительства представителей невеликорусскихъ краевъ, сколько и неблагородная для хода революціоннаго дѣла въ Россіи, должна усиливаться по мѣрѣ централизаций революціоннаго дѣла въ столицахъ, которая лежать въ области великорусской. Затѣмъ, какъ отнесется масса этой области и ея представители, напр., въ всероссийскомъ Земскомъ Соборѣ, а равно и то правительство, которое бы этотъ Соборъ установилъ, какъ отнесутся они къ автономнымъ стремленіямъ «окраинныхъ» народовъ, — за это врядъ ли могутъ ручаться иные, иначе «народновольцы». Защитники национальной

кую независимость, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ (?) национальностямъ.

«Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенные, дружныя усилия всѣхъ составныхъ частей государства; объединеніе въ борьбѣ ослабить наши силы и отдалить побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціонныхъ и соціалистическихъ принциповъ уличится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна дезорганизационная, разрушительная работа, но и созидательная, т.е. если учредительная дѣятельность общества — русского Земского Собора, который займетъ мѣсто временного революціоннаго правительства, расширяется на территорію всего государства. Только (!) послѣ закрѣпленія революціонныхъ приобрѣтеній, послѣ твердой установки общихъ (?) основъ нового строя, отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право *) опредѣлить свою политическую связь съ цѣлью (?) государствомъ. Иначе темная реакціонная сила, павѣрное, найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи».

Не трудно представить себѣ тотъ путь, какимъ наиболѣе активная часть русскихъ революціонеровъ пришла къ изложеннымъ выше централитическимъ идеямъ послѣ не

равноправности и автономіи областей имѣютъ только основанія смотрѣть съ некоторыми безнокиствомъ въ будущее, и тѣмъ болѣе, что, особенно въ послѣднее время, даже и революціонеры великорусские не обнаруживаютъ замѣтной симпатіи къ началу областной автономіи и по меньшей мѣрѣ шадятъ предразсудокъ единства и недѣлмости Россіи, если не прямо его поддерживаютъ.

*) Вотъ тебѣ и «не отнимаемъ права» и проч.!

очень давно бывшихъ въ ходу въ ихъ средѣ идеи анархическихъ и федеральныхъ, и определить тѣ иностранные политические элементы, которые способствовали окончательной формулировкѣ вышеизложенныхъ соображений сотрудниковъ «Народной Воли». Оставивъ даже въ сторонѣ неизбѣжное вліяніе и на революціонную среду традицій того государства, въ которомъ она образовалась и дѣйствуетъ, — мы видимъ, что въ поддержку центро-стремительного теченія въ русской революціонной средѣ должны были дѣйствовать условія политической жизни въ Россіи, дающія крайне затруднительную всякую, такъ сказать, парламентарную сторону революціоннаго движенія и склоняющія революціонеровъ въ сторону тѣсныхъ конспирацій и даже диктатуры. Преимущественно же «террористическое» направление, какое имѣла въ посѣднее время, — тоже подъ вліяніемъ россійскихъ условій, — должно было тѣмъ болѣе склонять ихъ мысли въ сторону централизаціи. Прибавьте къ этому вліяніе примѣровъ французской революціи 1792—93 гг., а также идеаловъ немецкихъ соціаль-демократовъ, сложившихся въ то время, когда Германія стремилась къ политической централизаціи, и вы легко себѣ объясните происхожденіе тѣхъ словъ петербургской революціонной газеты, которымъ мы выше выписали.

Но, будучи такимъ образомъ вполнѣ естественными, при данныхъ обстоятельствахъ,

эти слова, которыхъ, конечно, сопровождаются и будутъ сопровождаться извѣстными дѣйствіями, заключаютъ въ себѣ, по нашему глубокому убѣждѣнію, сѣмена явленій крайне гибельныхъ прежде всего для самихъ революціонныхъ элементовъ въ Россіи, а за тѣмъ и для всей страны этой. Въ централистическихъ тенденціяхъ, выразившихся въ выписаныхъ словахъ «Н. В.» мы усматриваемъ одинъ изъ признаковъ въ поддержку того опасенія, какое мы не разъ высказывали, — между прочимъ, и на страницахъ «Вольного Слова», — опасенія за то, какъ бы теперешнее броженіе въ Россіи и могущее послѣдовать за нимъ болѣе широкое революціонное движение не окончились и здѣсь такъ же мало соотвѣтственными тратѣ силъ результатами, какими кончилась великая французская революція, послѣ того какъ въ ней одержало верхъ теченіе централизационно-якобинское, у котораго пора бы даже отнять самое название революціоннаго, такъ какъ оно было собственно уже началомъ контрреволюціи, кончившейся установлениемъ бонапартизма *).

*) Если подъ словомъ — революція разумѣть главнымъ образомъ извѣстное проявленіе энергии къ ниспроверженію данного порядка и къ установлению другаго, то якобинизмъ будетъ, конечно, сугубо революціоннымъ; но если имъ революціоннаго движенія давать только движению прогрессивному, устанавливающему порядокъ извѣстительно новый по формѣ и идеямъ, — то изъ всѣхъ политическихъ течений своего времени якобинство будетъ наименѣе

Прежде чѣмъ приступить къ критикѣ со-
общеній «Народной Воли» о централизациі
и децентрализациі революціоннаго дѣла въ
Россії, мы должны разобрать, но необходи-
мости кратко, соображенія «Н. В.» или,
лучше сказать, ея упомянанія на счетъ возмож-
ности въ настоящую минуту одновременного
завершения въ Россії переворота политиче-
скаго и соціально-экономическаго. Намъ эти
упомянанія кажутся далеко не такъ основа-
тельными, какъ сотрудникамъ «Н. В.» При-
мѣры всего мѣра показываютъ, что даже при-
гораздо большей степени развитія и органи-
зации, чѣмъ та, на которой стоятъ чернорা-
бочія masses въ Россії, народы еще до сихъ
поръ не сдѣлали столь радикальныхъ пере-
вортовъ соціально-экономическаго порядка,
какъ переворотъ, ожидаемый «Н. Волей».
Конечно, крестьяне въ Россії толкуютъ тѣ-
перь о всеобщемъ передѣлѣ земли, но мысль
объ этомъ передѣлѣ обставляется у нихъ
крайне фантастическими подробностями и въ
большинствѣ мѣстностей выражается въ ожи-
даніи передѣла по указу царя.—такъ что отъ
этой мысли до дѣйствительного передѣла, а
тѣмъ болѣе до отмѣны частной собственности

революціонными, такъ какъ оно установило поря-
докъ наименѣе отличный по существу своему отъ
системы бюрократической централизациі и диктату-
ры, которая существовала и въ старомъ королевст-
вѣ. Съ этой стороны не только республиканскій
федерализмъ, но и конституционно-монархический
либерализмъ были гораздо болѣе революціонны, чѣмъ
якобинство.

въ землѣ и фабрикахъ и до организаціи на-
родного хозяйства по идеалу соціалистовъ
(безъ чего экономическое неравенство тот-
часъ же восстанавливается) еще очень и
очень далеко. Собственно, мысль о всеобщемъ
передѣлѣ земли и не нова въ россійской кресть-
янской средѣ. Уже во время эманципаціи
крестьянъ въ 60-е годы въ этой средѣ ходи-
ли ожиданія и слухи о «новой волѣ», о «на-
стоящей волѣ», «царскомъ вѣкунѣ», «слуш-
номъ часѣ» и т. д. — и что же? Быть мо-
жетъ, именно потому, что эти чаянія связы-
вались съ вѣрою въ сигналъ и указъ отъ царя
и вообще со стороны, — они не получили
ровно никакого реальнаго политического зна-
ченія, а остались только какъ примѣры кресть-
янскихъ политическихъ суетѣй. Теперь эко-
номическія отношенія въ Россії нѣсколько
обострились. — хотя, съ другой стороны, въ
поддержку принципа собственности пригото-
вился известный классъ крестьянъ-личныхъ
собственниковъ,—но и теперь мечты кресть-
янъ о всеобщемъ передѣлѣ могли бы полу-
чить широкое политическое значеніе только
въ томъ случаѣ, если бы изъ нихъ можно
было удалить всякия надежды на царя (ру-
скаго, или китайскаго!). замѣнивъ ихъ мыслью
о собственной инициативѣ. Не видно, чтобы
эта послѣдняя мысль вырабатывалась самими
крестьянами въ Россіи (особенно въ цент-
ральной) въ широкихъ размѣрахъ: образован-
ныхъ же пропагандистовъ этой мысли слиш-
комъ мало въ Россіи, и именно трудность

для нихъ доступа до народной массы, при генеральномъ политическомъ строѣ Россіи, и была одною изъ главныхъ причинъ, которыхъ обратили соціалистовъ этой страны на путь борьбы за политическую свободу. Очевидно, что если въ Россіи теперь и можно (по нашему, должно) ждать народныхъ волнений, то вовсе не такихъ, которыхъ бы были въ состояніи радикально измѣнить соціально-экономической строй такъ, какъ онъ еще не измѣненъ нигдѣ, — а только такихъ, какія были, напр., во время великой французской революціи, — которыхъ пугали правительство, дезорганизовывали господствующую политическую систему и облегчали возможность наибóльшѣ организованныхъ политическимъ элементамъ, ей противными, захватывать власть, между прочимъ и для того, чтобы «возстановить порядокъ». Подобное значеніе уже начинаютъ имѣть нынѣшніе «противуеврейскіе безнорядки» на югѣ Россіи, которые должны бы, кажется, показать, что при настоящей степени развитія и организаціи народныхъ массъ въ Россіи, возстанія ихъ могутъ имѣть только отрицательное значеніе и при томъ далеко не радикальное. А еще не слѣдуетъ забывать, что противуеврейскія волненія происходятъ въ странѣ, въ которой крестьянскія массы наименѣе забиты вѣковымъ крѣостнымъ правомъ и наименѣе воспитаны преданіями монархической исторіи, черезъ которую прошли массы областей бывшаго московскаго государства!

Во всякомъ же случаѣ, если бы въ областяхъ Россіи и дошло до ноголовныхъ восстаний крестьянъ съ захватомъ земель и фабрикъ, то трудно понять, для чего бы была нужна тогда санкція центральнаго революціоннаго временнаго правительства? Если бы же такого захвата не произошло, то никакой декретъ временнаго правительства не въ состояніи его предписать, такъ какъ вообще радикальныя перемѣны быта и понятій декретами производиться не могутъ *). Для этого нѣтъ силъ даже у правительства постоянныхъ, а тѣмъ болѣе у временныхъ. У временнаго же революціоннаго правительства въ Россіи, опирающагося только на центры, т. е. на столицы, — допустивъ даже, что оно будетъ имѣть на своей сторонѣ все фабрично-рабочее населеніе столицъ и даже часть арміи (т. е. въ столицахъ гвардіи!!), — у такого временнаго правительства въ Россіи не можетъ быть силы не только навязать всему населенію Россіи радикальную экономическую перемѣну, но даже, — говори языкомъ «Народной Воли», — «уяснить народу истинный смыслъ требованій революціонеровъ и оградить крестьянскую среду (т. е. всю Россію) отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа». Чтобы не обольщаться подобными мечтами, достаточно только вспомнить цифры населенія

*.) Предположенія о такой возможности принадлежатъ тоже къ числу политическихъ сусѣдей, которыхъ на этотъ разъ особенно распространены въ бюрократическихъ классахъ.

столицъ въ Россіи сравнительно съ населеніемъ всей страны.

На основаніи всего сказанаго, мы думаемъ, что тѣ соціалисты въ Россіи, которые пришли ужъ къ мысли о необходимости политического переворота для болѣе успешнаго направлениія и дѣла переворота соціально-экономическаго, поступили бы наиболѣе разумнѣе, если бы и не обольщались надеждами на возможность одновременного исхода обоихъ переворотовъ, а тѣмъ болѣе мечтами о возможности направлять ходъ соціально-экономическаго переворота мѣропріятіями центральныхъ временныхъ правительствъ (декретами, комиссарами и т. п. подражаніями способомъ дѣйствій консервативной бюрократіи), а направили бы свои усилия къ тому, чтобы способствовать, по крайней мѣрѣ, произведенію дѣйствительного политическаго переворота, т. е. установлению дѣйствительной политической свободы, которая бы дала возможность и будущей организаціи чернорабочихъ массъ, городскихъ и сельскихъ, и союзу съ ними образованныхъ соціалистовъ. Такая свобода дается только ослабленіемъ централистической государственной власти, разрушениемъ бюрократической машины и установлениемъ учрежденій, обеспечивающихъ права лицъ и группъ и самоуправление общинъ и областей, а вовсе не перемѣнами центральныхъ государственныхъ учрежденій изъ царскихъ на парламентскія, хотя бы даже и въ республиканскія, тѣмъ болѣе, что такія перемѣнны—

съ сохраненіемъ машины власти — рѣдко удерживаются въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ устанавливаютъ центральными революціи и что почти всегда сохраненная или даже усовершенствованная революціей централизованная машина власти въ самомъ непродолжительномъ времени поворачивается противъ революціи.

Конечно, стать на рекомендуемую нами точку зреія на дѣло политического и соціального переворота въ Россіи — значитъ признать взгляды, къ которымъ въ русскихъ революціонныхъ, и даже вообще въ радикальныхъ кругахъ привыкли прикладывать малоизученную кличку «постепеновства», которое приравнивали, совершенно несправедливо, къ щедринскому: «погодить!» Но что же дѣлать, если исторія говорить громко въ пользу того, что люди совершенствуются только въ извѣстной постепенности? Вѣдь и самое обращеніе значительной части русскихъ соціалистовъ, и при томъ наиболѣе активной ихъ части, отъ прежняго «чистаго соціализма» къ борьбѣ за пріобрѣтеніе политической свободы есть ни что иное, какъ признаніе этой постепенности. Надо же быть логичнымъ до конца и признать, что для нашего времени, для т. н. народнаго дѣла выигрышъ будетъ большій, если Россія получить хоть одну эту политическую свободу, которая обеспечить за всѣмъ населеніемъ элементарные человѣческія права и дастъ друзьямъ массъ народа возможность

систематического труда для ихъ блага *).

Централізація же и свобода — вещи, взаимно другъ друга исключающія. За явленіем, въ родѣ тѣхъ, какія теперь читаемъ въ «Народной Волѣ», — что централізациія необходима «въ первый моментъ революціонной борьбы, до приобрѣтенія прочныхъ результатовъ» и т. п., — ни что иное, какъ или софизмъ, которыми тѣ элементы, какимъ и теперь, и впослѣдствіи выгодна централізациія, заграждаютъ уста тѣмъ элементамъ, какимъ и теперь, и впослѣдствіи она невыгодна. — или же самообманъ тѣхъ лицъ, которыхъ думаютъ, что ходъ исторіи можетъ бытьдержанъ имъ благими личными намѣреніями.

Всакое явленіе, разъ сложившись, стремится уирочиться и въ настоящемъ и въ будущемъ. Иигдѣ еще власть, централізациія, — съ бюрократіей и арміей, безъ которыхъ она немыслима, — не подняла руку на себя. Всѣ перемѣны, какія по этой части представляютъ намъ исторія, даже исторія революцій, состоятъ въ томъ, что сохранившая, или новообразованная машина централізованной власти переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, напр., изъ рукъ короля въ руки какого нибудь комитета, потомъ въ руки диктатора

*) Желательному постепеновству, — которое вовсе не исключаетъ ни энергіи, ни самоотверженія, — соответствовало бы и перенесеніе точекъ опоры политического и соціального движеній въ Россіи съ чувства и вѣры на науку и разсчетъ и съ «дѣлъ» на «отцовъ».

и т. п. Въ Россіи же централізациія, даже революціонная, тѣмъ опаснѣе для дѣла свободы, что въ этой странѣ, при неразвитости массы, всего скорѣе можно опасаться диктатуры виолѣтъ реакціонной, даже послѣ временнаго успѣха революції прогрессивной. А потому въ Россіи всякаго рода прогрессисты, а особенно соціалисты, должны бы стараться подорвать принципъ власти и централізациіи и въ практикѣ, и въ теоріи и основывать всѣ свои планы и дѣйствія и до, и во время, и послѣ переворота на принципѣ противоположномъ: — децентралізациіи и федераціи.

Мнѣніе, будто федерація ослабляетъ силу какого бы то ни было движенія, разъединяя его, — совершенно невѣро, равно какъ и мнѣніе, будто централізациія сама по себѣ составляетъ силу и даже единство. Сила и единство дается центральной власти только новиновеніемъ или сочувствіемъ областей, при чемъ въ горячее время бываетъ недостаточно даже одного новиновія. Примѣръ этому мы видимъ на теперешнемъ положеніи русского правительства, которое, кажется, довольно централізовано, а однако жъ не въ состояніи не только сдѣлать что либо положительное (властью вообще положительнаго на свѣтѣ дѣлается очень мало), но не можетъ даже защитить своихъ собственныхъ агентовъ ни на окраинахъ, ни въ центрахъ. Круги же революціонные, даже имѣющіе въ виду образовать изъ себя правительственный

кориусь, не могут претендовать на новиненіе себѣ, а, следовательно, должны разочи-
тывать главнымъ образомъ на сочувствіе къ
себѣ*). Сочувствіе же это можетъ быть тѣмъ
шире, чѣмъ ближе революціонеры станутъ къ
разнообразнымъ элементамъ населенія, чѣмъ
болѣе даже центральное революціонное ира-
вительство,—если оно окажется нужнымъ по
ходу дѣла, или просто возникнетъ изъ этого
хода,—чѣмъ болѣе оно образуется процес-
сомъ федеративнымъ, снизу вверхъ, а не
централизационнымъ, сверху внизъ. Вотъ по-
чему въ революціяхъ, наиболѣе, казалось бы,
безнадежныхъ, по первоначальной слабости
возстававшихъ элементовъ, торжество возста-
вленія достигалось именно децентрализационнымъ
и федеративнымъ путемъ: такимъ путемъ от-
бились отъ сильныхъ союзей кантоны Швей-
царіи, такъ освободилась отъ Испаніи феде-
ратія земель Голландіи, отъ Англіи Соеди-
ненные Штаты Сѣверной Америки, такъ
одолѣли арміи Наполеона I провинціальные
союзы (хунты) Испаніи и т. д. Любопытно,
что даже въ наступательной войнѣ 1870—
71 гг. все таки по своему Федеральная Гер-
манія побѣдила строго единую Францію.

Именно централизація и ослабляетъ обще-
ственные силы, принижая личную и област-
ную инициативу, изолируя ближайшіе между
собою элементы, заставляя ихъ ждать указа-

*.) Мы не останавливаемся на томъ, что заблаго-
временное заявленіе претензій на такое повиненіе
можетъ только стѣвать смѣшными претендентовъ.

ній отъ далекаго центра; именно централиза-
ція и разъединяетъ силы, порождаетъ несо-
гласія, такъ какъ ей свойственно стремиться
къ подведенію всѣхъ разнообразій подъ одинъ
шаблонъ, возводить второстепенные вопросы
въ первостепенные, смиливать средства и
формы съ цѣлями и т. д.—и тѣмъ вызывать
раздраженіе между силами, которая безъ
того дѣйствовали бы въ одномъ направлѣніи.
Всѣ сепаратизмы—порожденія централизаціи;
всѣ несогласія между близкими по сущности
и различными только по частностямъ пар-
тіями вызываются обыкновенно централиза-
ционными инстинктами партій, заставляющими
ихъ выдавать свои частности за нѣчто обще-
обязательное. И замѣчательно, что эти цен-
трализационные инстинкты съ особеною силою
пробуждаются въ централизованныхъ
странахъ именно у правительства «времен-
ныхъ»,—которая тотчасъ же по своему обра-
зованіи стремится копировать (точно дѣти
стариковъ) правительства старыхъ. (Изъ мно-
жества примѣровъ изъ исторіи французскихъ
революцій укажемъ, напр., на отношеніе Гам-
бетты,—тогда что ни на есть радикала,—
къ лигѣ южныхъ департаментовъ националь-
ной защиты въ 1870 г., которую, лигу,
тогдашніе гамбетанцы объявили болѣе опас-
ною для Франціи, чѣмъ сами пруссаки, по-
тому только, что она сложилась, не дожида-
ясь приказа парижскаго временнаго прави-
тельства, и хотѣла сама и по своему соби-
рать средства для борьбы съ пруссаками, при

чемъ вовсе не отказывалась предоставить эти средства въ распоряженіе общаго же правительства Франціи, хотя бы и парижскаго, или его delegaciі въ Турѣ.

Кромѣ этихъ и подобныхъ общихъ соображеній, которая говорятъ противъ централизаціонныхъ доктринъ сотрудниковъ «Народной Воли», частныя условія жизни въ Россіи не менѣе сильно свидѣтельствуютъ въ пользу непригодности именно въ этой странѣ централизаціи не только для упроченія и сохраненія свободы (что централизація, какъ и состоянія система, несогласна съ свободой), это, кажется, еще думаютъ и петербургскіе «народновольцы»), но не годится и для рѣшительного приступа къ получению свободы посредствомъ революціоннаго нападенія на теперешнее правительство.

Споръ нашъ съ «народновольцами» по этому вопросу, послѣ статей въ 8—9 № «Н. В.», значительно облегченъ тѣмъ, что въ этихъ статьяхъ вопросъ о борьбѣ съ правительствомъ поставленъ вовсе не на точку зреінія т. наз. терроризма, а на точку зреінія действительной революціи. «Терроризмъ», — т. е. политическая убийства или, если кому угодно, казни (les exécutons, а не les assassinats), и дворцовые перевороты, можетъ быть, и требуютъ своего рода централизаціи (весьма, впрочемъ, ограниченной, тѣмъ болѣе, что въ такихъ дѣлахъ много значитъ иногда личная отвага и инициатива), — но, такъ какъ дѣйствіе такого терроризма

весьма поверхностно, то сторонникамъ существенныхъ перемѣнъ въ политическомъ строѣ собственно не зачѣмъ много и толковать о «терроризмѣ», особенно если онъ не проповѣдуется, какъ универсальная и, тѣмъ паче, единая мѣра, какъ это пробовали проповѣдывать пѣкоторыя прокламаціи и особенно заграничныя брошюры и статьи русскихъ революціонеровъ *). Въ разбираемыхъ нами статьяхъ «Народная Воля» говорить уже не о терроризмѣ, а объ организаціи прямаго и, конечно, широкаго нападенія на теперешнее правительство въ Россіи.

Вотъ тутъ то намъ и кажется, что въ новыя соображенія «Народной Воли» перенесено слишкомъ много конспираторско-централистического элемента изъ прежняго «террористическаго» круга идей ея друзей и что революціонно-централистические расчеты «Н. В.» совсѣмъ не соображены съ реальными условіями Россіи. Врядъ ли мы очень ошибемся, если, на основаніи выписанныхъ выше (въ 37 № «В. С.») строкъ петербургской революціонной газеты, представимъ себѣ, что она предполагаетъ возможность организаціи въ Петербургѣ или въ Москвѣ чего то въ родѣ Парижской Коммуны 1871 г., болѣе

*) Очень важно, что уже Желябовъ во время своего процесса отрицалъ партіонное значеніе упомянутыхъ брошюръ, — а Сухановъ въ своей рѣчи, напечатанной въ 35 № «В. С.» стала на точку зреінія, виолѣтъ отрицающую принципіальное значеніе терроризма. То же и въ рѣчи Исаева, напеч. въ 36 № «В. С.».

или менѣе соціалистической, только съ аттрибутами парижской же политической Коммуны 1792—93 гг., на которую бы опиралось революционное правительство, господствующее не только надъ общиною (коммуной) столицы, но и надъ всею Россіей. Но къ сожалѣнію, или къ счастію, Петербургъ въ Россіи отнюдь не то, что Парижъ во Франціи, — не то, ни по числу населенія, абсолютному и относительному, ни по составу его (числу арміи, чиновниковъ и т. п.), ни по его характеру и степени развитія. Возстаніе петербургскаго пролетаріата (если бы онъ даже и способенъ былъ теперь возстать прямо противъ монархіи), не поддержанное возстаніями въ провинціяхъ, имѣло бы не больше практичес资料а значенія, чѣмъ и возстаніе въ любой деревнѣ. Если монархія подавить это возстаніе, — а для этого у нея достаточно силъ въ гвардіи, самой безнадежной, части россійского воинства, — и если при этомъ изничтожить хоть бы весь гражданскій элементъ населения Петербурга, то остальная Россія, особенно Россія простонародная, врядъ ли и почувствуетъ амиутацию этого незначительного и въ добавокъ окруженного пустынями народа на громадной и разнообразной по составу населеніи страны*). Очевидно, что столично-центральное воз-

*) Напомнимъ, что рабочее населеніе Петербурга пополняется преимущественно изъ самыхъ сѣверныхъ губерній, съ населеніемъ разрѣженнымъ.

станіе имѣло бы въ Россіи какія бы то ни было шансы успѣха, только если бы оно сопровождалось восстаніемъ по крайней мѣрѣ всей прилегающей къ столицамъ области. Но въ этомъ отношеніи важно то обстоятельство, что монархическія преданія въ Россіи особенно сильны именно въ центральной великорусской области, въ которой они, конечно, сильнѣ, чѣмъ не только, напр., въ Польшѣ, Українѣ, на Кавказѣ, но даже, чѣмъ въ Низовомъ Поволжіи и въ Сибири. Если гдѣ въ Россіи коренятся условія возникновенія — говоря языкомъ «Н. В.» — Вандеи, то именно въ Великороссіи, и, быть можетъ, прямо въ Москвѣ, — а вовсе не на окраинахъ, особенно западныхъ и южныхъ. О Польша нечего долго и распространяться: Польша могла бы быть, если не Вандеей, то убѣжденіемъ династіи только тогда, когда бы революція въ Россіи приняла централистический и затѣмъ непрѣблѣжно великорусский, а далѣе также неизбѣжно обрушительный характеръ, — и когда бы поляки сочли для себя выгоднымъ столковаться съ династіей Романовыхъ, подобно тому, какъ разные народы Австріи, угрожаемые централизмомъ пѣмецкихъ и венгерскихъ либераловъ и революціонеровъ въ 1848—49 гг., предпочитали столковываться съ династіей Габсбурговъ. Вообще Польша никогда на всероссійскую централизацию не пойдетъ. Конечно, теперь, пока революціонное движение въ Россіи имѣть только отрицательное значеніе, поляки (преимущественно

молодежь) могут принимать участие во всяких готовыхъ русскихъ революционныхъ кругахъ, но никогда ни польская интелигенція, ни польская масса не откажется отъ автономіи своей страны и при первомъ удобномъ случаѣ подниметъ ся знамя,—такъ что, если бы, напр., въ Петербургѣ действительно образовалось временное правительство, которое обратилось бы къ населенію Россіи съ призывомъ прислать представителей въ земскій соборъ, то поляки, по всейѣ вѣроятности, образовали бы свое временное правительство, а даље свой сеймъ въ Варшавѣ *).

Что касается до Украины, то, такъ какъ ея независимость была подавлена еще въ к. XVII в., и такъ какъ, вслѣдствіе этого, значительная часть ея интелигенціи, на бѣду свою и массы народа въ этой странѣ, оторвалась отъ украинской національности, то, конечно,

*). Послѣ того, что мы говорили въ статьяхъ «Историческая Польша и Великорусская Демократія», мы считаемъ излишнимъ останавливаться здесь на томъ, какъ комілляціи вызоветъ такой шагъ польскихъ автономистовъ, среди которыхъ, конечно, окажется много сторонниковъ «исторической Польши», т. е. Польского государства съ Литвой, Вѣнгрией и половиной Украины, и какъ можетъ воспользоваться «историческими» польскими стремленіями соціальная реакція въ Польшѣ и политическая въ Москвѣ,—а равно и на томъ, что единственное средство выпутаться изъ всяческихъ затруднений и предупредить общѣ реакціи, состоитъ—въ выражении для всего Востока Европы федерально-демократической программы, независимой отъ всякихъ «историческихъ» централизаций, польскихъ и российскихъ.

овеликорушеннюю часть украинской интелигенціи не такъ трудно привлечь къ всероссийской централистической программѣ,—но только отъ этого привлечения всего менѣе можно ожидать пользы для дѣла свободы въ Россіи. Все таки изъ всѣхъ т. наз. русскихъ областей въ Россіи монархическая идея все-гда слабѣе, а республиканская всего сильнѣе—на Украинѣ; все таки въ послѣднее время народная масса проявляютъ наиболѣе духа протеста именно въ этой странѣ: и аграрными волненіями, и городскими движеніями противъ полиціи, и, наконецъ, противуеврейскими безпорядками, которые теперь имѣютъ дикий характеръ, но которые можно бы было направить и на болѣе разумную дорогу. А столично-централистическая программа именно эту страну и лишаетъ корпуса наиболѣе сознательныхъ и организованныхъ борцовъ за свободу! А такъ какъ всѣмъ известно, что именно украинская область дала громадный, даже абсолютно, а тѣмъ болѣе относительно, процентъ членовъ всѣхъ русскихъ революционныхъ круговъ и средствъ для нихъ,—то выходитъ, что столично-централистическая программа революціонной организаціи въ Россіи предлагаетъ интелигенціи, вскормленной трудомъ населения Украины, не только продолженіе несправедливаго и во многихъ отношеніяхъ просто нозорного передъ исторіей разрыва съ населеніемъ своей родины,—но и безилодную гибель въ странѣ, которая гораздо болѣе способна стать Вандеей, чѣмъ эта «окраина»!!

Мы считаемъ выселеніе известной части украинской интелигенціи въ Великороссію (черезъ столицы) дѣломъ не только фатальнымъ, съ которымъ надо примириться, разъ когда судьба связала Україну съ московскимъ государствомъ, но даже полезнымъ съ общеевропейской культурной точки зрењія. Тенеренное участіе украинскихъ уроженцевъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ мы считаемъ явленіемъ, аналогичнымъ съ переселеніемъ украинскихъ духовныхъ, учителей и писателей въ Москву XVII—XVIII в. Великороссія, вслѣдствіе своего географического положенія и исторіи (въ томъ числѣ, благодаря московской централизаціи и разоренію такихъ культурныхъ пунктовъ, какъ Новгородъ и Псковъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ даже татарскимъ набѣгамъ) такъ отстала отъ европейскаго міра, что не могла бы скоро войти въ его колею безъ пособія иночлененной иммиграціи, въ которой украинцы играютъ роль наиболѣе родственного для великоруссовъ элемента, который поэтому можетъ скорѣе, чѣмъ болѣе далекіе иностранцы, ослаблять московское православіе и самодержавіе и усиливать кадры туземныхъ прогрессистовъ*). Но слишкомъ большая эмиграція

*) Украинская иммиграція въ Великороссію совершається, между прочимъ, черезъ учебныя заведенія, искусственно сосредоточенные въ столицахъ. Тамъ украинская молодежь окончательно отбивается отъ своего края и народа. Почему же Украина даетъ очень большой процентъ учащейся молодежи, это объясняется между прочимъ присутствиемъ въ этой странѣ многочисленнаго мелкопомѣщичаго дво-

ослабляетъ силы страны, изъ которой она исходитъ, а тотъ моральный абсентеизмъ, какой, особенно будучи поддержанъ правительстvenными обрусильными мѣрами, сталъ признакомъ украинскихъ высшихъ классовъ, — парализируетъ всѣ усилия украинскихъ массъ къ улучшенію своего материального и нравственнаго положенія*). Этому ненормальному состоянію Украины (которую мы въ данномъ случаѣ беремъ, какъ образецъ положенія, въ какомъ находятся и многія другія области Россіи: Литва, Бѣлоруссія, Бессарабія, отчасти Закавказье) можетъ быть положенъ конецъ только автономіей страны, каковая автономія поставитъ здѣсь лицомъ къ лицу массу народа и интелигенцію и заставитъ послѣднюю служить первой. Централистическая программа «Народной Воли» вовсе не обѣщаетъ такой автономіи. Она не показываетъ даже въ будущемъ

рианства и другихъ соотвѣтственныхъ ей слоевъ населенія, которыхъ нетъ въ Великороссіи. Замѣтимъ, что простонародье украинское вовсе не эмигрируетъ въ Великороссію, — кромѣ развѣ, и то въ ничтожномъ количествѣ, на дальний юговостокъ.

*) Мы позволимъ себѣ отослать къ нашимъ книгамъ, «Переднѣ Слово до Громады» и «Нові українські пісні про громадські справи» (1764—1880), тѣхъ, кому бы показалась парадоксальною мысль, что на Українѣ съ XVIII в., когда ополяченная и овеликорушенная интелигенція почти потолково отказалась служить массѣ народа, сама эта масса силилась продолжать прогрессивную исторію страны: крестьянскими восстаніями, эмиграціею, восстаніями противъ польскихъ революцій, аграрными волненіями, пѣснью, новеллою, сатирою, штундою и т. д.

ничего опредѣленного, кромѣ всероссійскаго или, какъ говорить «Н. В.», «общерусскаго» земскаго собора, который займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, послѣ того, какъ оно само займетъ мѣсто нынѣшняго императорскаго правительства. Уже этотъ всероссійскій соборъ, — который, конечно, «Нар. Воля» считаетъ вполнѣ самодержавнымъ (по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не читали въ писаніяхъ народновольцевъ указаній на что либо, ограничивающее власть этого будущаго государя Россіи), — предоставить «отдельнымъ народностямъ» (конечно, тѣмъ, какія этотъ соборъ признаетъ за отдельныя, или даже, по другому выражению «Н. В.», за «исторически-сложившіяся»). — предоставить «право опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ (непремѣнно съ цѣлымъ!) государствомъ». — и сдѣлаетъ эту уступку «только тогда, когда будутъ установлены (конечно, все таки имъ, новымъ самодержцемъ всея Россіи) общія основы нового строя» (которые опять таки ему, собору, угодно будетъ признать за таковыя), — иначе говоря, «отдельный народности» или, что все равно, разныя области, нынѣ поработленныя все таки великорусскому государству и безконтрольно управляемыя императорской бирократіею, получать автономію только тогда, когда это найдеть нужнымъ новый самодержавный властелинъ всѣхъ народовъ и областей Россіи, конечно, получать только такую автономію, какую захочетъ имъ этотъ властелинъ.

Судя по всему, что дѣлали на свѣтѣ всѣ властини, колективные, какъ и личные, — ожидать народамъ и областямъ Россіи даже этого тогда пришлось бы долгонѣко!

Слова нѣтъ, — если бы теперешній русскій самодержецъ, по собственной ли инициативѣ, или уступая напору общественнаго мнѣнія, согласился созвать хоть самый плохонѣкій земскій соборъ, хотя бы изъ delegatovъ теперешнихъ земствъ, — это былъ бы шагъ впередъ, который бы былъ принятъ радостно во всѣхъ областяхъ Россіи. Но и тогда первое дѣло этого собора должно бы быть установление неприкословенности и свободы лицъ, группъ и національностей, а также самоуправлія областей, т. е. установление правъ основныхъ и для элементовъ реальныхъ, — правъ неприкословенныхъ и неотчуждаемыхъ и для кого и ни для чего, въ томъ числѣ и для т. наз. цѣлаго государства, которое, сравнительно съ этими элементами, есть фикція. Если же спасти націй и областей Россіи надо будетъ лить свою кровь въ революціи, чтобы добиться представительного правліенія, то пріобрѣтеніе самодержавнаго всероссійскаго земскаго собора, въ которомъ гегемонія непремѣнно достанется великоруссамъ, особенно центральныхъ областей, слишкомъ малое вознагражденіе за кровь для населенія невеликорусскихъ «окраинъ». Если уже добиваться революціонныхъ

земскихъ соборовъ, то окраинамъ этимъ всего естественнѣе имѣть свои, областные собо-ры, которые уже отъ себя установятъ «общія ос-нованія политического союза цѣлаго государ-ства», если найдутъ это нужнымъ. Къ тому же только прочное установлѣніе областной свободы, положивъ непереносимыя ограниче-нія для центральной власти, можетъ оградить всю Россію отъ послѣ-революціонной реакціи и распространенія на всю страну дик-татуры вандейской контрь-революціи, каковая, повторяемъ, скорѣе можетъ организоваться въ центральныхъ областяхъ московскаго государства, чѣмъ въ менѣе монархическихъ окраи-нахъ Россіи.

Вирочемъ, говоря это, мы собственно забѣ-галяемъ слишкомъ далеко впередъ, такъ какъ, вслѣдствіе указанныхъ выше различій въ исто-рии разныхъ областей Россіи, самая идея о противу-монархической революції въ ней го-раздо легче найдеть себѣ сочувстіе именно въ невеликорусскихъ ея окраинахъ *). Какой же послѣ этого смыслъ имѣть столично-централи-стическая программа революціонной организа-ціи, предлагаемая «Народною Волею»? И не гораздо ли болѣе подходитъ къ Россіи феде-ральная система даже и въ первый моментъ движенія, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ движенія, получитъ гораздо больше шансовъ, чѣмъ и въ ре-

*). Кромѣ ссылокъ на исторію и на этнографи-ческие материалы, сошлемся даже на корреспонден-ціи изъ Украины въ самой «Народной Волѣ» и «Черномъ Передѣлѣ» 1881 г.

зультатѣ движенія получится федерація же, которой въ идеалѣ пока еще не смытъ отрицать даже самые откровенные русскіе якобинцы?

Если заходить рѣчь о приготовительныхъ организаціяхъ для произведенія въ Россіи по-литического переворота, то, по нашему мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразнымъ приступомъ къ нимъ было бы образованіе областныхъ рево-люціонныхъ комитетовъ, которые, ко-нечно, должны войти въ союзъ между собою. По обстоятельствамъ дѣла, эти комитеты мо-гутъ оказывать особенную помощь комитетамъ столичнымъ, но безъ всякихъ априорныхъ усту-покъ централистической программѣ ни до, ни во время, ни послѣ переворота. Если же,—какъ слѣдуетъ думать, потому что вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Россіи произносится имя «исполни-тельный комитета» или «комитета» «Народной Воли»,—въ Россіи уже существуетъ организація, которая уже по фактическимъ условіямъ, хоть, напр., по отсутствію конкурентовъ и т. п., полу-чила значеніе всероссійское *), — то наиболѣе цѣлесообразнымъ было бы образованіе около этой организаціи все же областныхъ комитетовъ или, если хотите, субъ-комитетовъ, на первыхъ порахъ хотя бы только для мѣстностей, кото-рыхъ оригинальности очевиднѣе и которыхъ

*) О старомъ «исполнительномъ комитетѣ» 1878—1880 гг., вирочемъ, еще вопросъ,—могло ли называть его столичнымъ, или даже русскимъ — великорус-скимъ,—по составу и даже по мѣсту его дѣятель-ности.

дали уже не мало членовъ и для русскихъ революціонныхъ круговъ,—напр., образованіе комитетовъ для центральныхъ, низовыхъ и уральскихъ областей Великороссіи, для Польши, для Украины, для Кавказа. За тѣмъ не замедлили бы образоваться комитеты для Литвы, Бессарабіи, Бѣлоруссіи, Остзейскихъ провинцій и т. п. Если бы эти комитеты на первыхъ порахъ и не сдѣлали ничего, кромѣ указанія мѣстныхъ условій и зацѣпоекъ для пробужденія въ населеніи ихъ областей мысли о необходимости политического переворота, то и тогда они принесли бы огромную пользу. Но, конечно, на этомъ дѣло не остановилось бы.

Дальнѣйшій успѣхъ переворота зависѣлъ бы въ значительной степени отъ умѣнья и энергіи областныхъ комитетовъ, а дальнѣйшее согласіе этихъ комитетовъ между собою и съ комитетомъ центральнымъ, если бъ таковой найдень былъ нужнымъ, — зависѣло бы, главнымъ образомъ, отъ степени искренности признанія всѣми ими, въ томъ числѣ и комитетомъ центральнымъ, принципа равноправности всѣхъ народностей, историческихъ и неисторическихъ, а также принципа автономіи областей, — однимъ словомъ, принципа федерального, — и отъ степени умѣнья центрального комитета различать солидарность, — вещь необходиимую, — отъ централизаціи, — вещи излишней или даже прямо вредной.

М. Драгомановъ.

